

Логика болгарскихъ успѣховъ и... поэзія русской чувствительности.

Въ № 227 (1912 г.) «Голоса Москвы» въ «Письмахъ изъ Турціи» «Хабиба» невольно останавливаютъ вниманіе читателей слѣдующія заключительныя строки:

„... Безповоротно прошли блаженныя времена рукопашныхъ схватокъ.

Сила на сторонѣ того, кто скорѣ заставитъ, не умолкая, говорить свою артилерію, пожирающую огромныя запасы снарядовъ. Множество колоннъ или отдѣльныхъ линейныхъ бойцовъ въ современной войнѣ не играетъ той роли, которую играло при Суворовѣ.

Какой-либо пулеметь, управляемый тремя солдатами, способенъ смести съ лица земли отряды отважнѣйшихъ воиновъ.

Быстрота передвиженія орудій, достаточныя запасы, хладнокровіе артиллеристовъ, цѣлесообразное расположеніе батарей—вотъ факторы, отъ которыхъ зависитъ исходъ ближайшей войны.

И самъ Магометъ, огнемъ и мечемъ завоевавшій свою славу, возставъ изъ гроба, обзавелся бы прежде всего мало-мальски приличной артилеріей!“

Затѣмъ, въ № 13158 «Новаго Времени» въ высшей степени достойны общаго вниманія и назидательны слѣдующія строки въ замѣткѣ «Первые уроки балканской трагедіи»:

„... Одияъ полковникъ (турецкій) говоритъ еще: Наши солдаты сражаются не только съ мужествомъ, но и съ успѣхомъ, когда они имѣютъ дѣле съ ружьями, штыками и пулеметами, но снаряды современныхъ скорострѣльныхъ орудій разбиваютъ самыя горячіе порывы и самую за-

каленную энергию. Опустошенія, производимыя шрапнелью, ужасны. Подумайте только, что каждый снарядъ заключаетъ 404 свинцовыхъ пули! Я лично видѣлъ, какъ такой снарядъ совершенно разметалъ и перебилъ цѣлую группу солдатъ. *Часовая стрельба сотни ружей не дала бы такихъ результатовъ...* ¹⁾

Почти въ каждомъ номерѣ всѣхъ газетъ натыкаешься на неизмѣримое, по дѣйствию, превосходство артилеріи союзниковъ, въ особенности болгарской надъ турецкой. Вотъ картинка, изображающая черногорскую артилерію съ надписью: «черногорская артилерія, благодаря которой одержана побѣда при...». Въ другомъ мѣстѣ опять читаемъ:

«... благодаря губительному огню (кажется болгарской) артилеріи отбита вылазка турецкой дивизіи...».

Тамъ же еще:

«... благодаря могущественной артилеріи (съ 16-го по 20-е октября на линіи Люле-Бургасъ—Бунаръ-Гиссаръ турецкая армія въ 120.000 чел., 300 орудій и 65 эск. атаквала лѣвое крыло болгаръ, желая отрѣзать отъ Киркъ-Килиссе), болгары отразили всѣ атаки и заставили турокъ отступить».

и дальше:

«... Подъ прикрытіемъ сильнаго артилерійскаго огня пѣхота (болгаръ) атаквала въ штыки недоступныя турецкія укрѣпленія, взяла ихъ...».

Обратите вниманіе на сообщенія о войнѣ военныхъ и не военныхъ корреспондентовъ разныхъ газетъ: гг. Ольгенина, Купчинскаго и всѣхъ другихъ и вы невольно поразитесь фактомъ, что ни одинъ даже самый маленькій успѣхъ нельзя не отнести въ большей или меньшей степени къ великолѣпной подготовкѣ болгарской артилеріи. Это подтверждается всѣми сообщеніями о боѣ у Хадимъ-Кіоя: въ своемъ пятидневномъ наступленіи болгары отодвинули было при помощи своей артилеріи турецкіе фланги, но въ болотѣ стали терять свои орудія. Благодаря этому, пишетъ корреспондентъ ²⁾, бѣшенныя атаки болгаръ и схватки въ рукопашную сломались о желѣзную устоячивость турокъ и повели только къ такимъ потерямъ, къ такому пролитію крови, какого не было даже въ Киркъ-Килисскомъ и Люле-Бургасскомъ бояхъ. Но позиціи турки сохранили по линіи отъ Деркоса до Буюкъ-Чекмедже. Обѣ стороны, и болгарская и турецкая пѣхота, выказали изумительно-бѣшеную храбрость въ дракѣ нѣжами и успѣха нѣтъ; а нѣтъ потому, что болгарская артилерія уничтожила турецкую, но сама залѣзла въ болото....

¹⁾ Курсивъ мой.

²⁾ Г. Купчинскій. «Биржевыя Вѣдомости» № 268.

Навѣрно всѣмъ памятно, какъ отзывались о турецкой пѣхотѣ еще до начала военныхъ дѣйствій на Балканахъ: «лучшая пѣхота въ мѣрѣ...» Или, по крайней мѣрѣ, что турецкая пѣхота не уступитъ никакой другой въ мѣрѣ. И до сихъ поръ еще никто не осмѣлился сказать, да и нельзя никоимъ образомъ сдѣлать выводъ по результатамъ войны, что турецкая пѣхота хуже дивной пѣхоты союзниковъ.

За то сразу, опредѣленно и безъ малѣйшаго сомнѣнія выяснилось, что подготовка турецкой артиллеріи очень сильно уступаетъ подготовкѣ артиллеріи союзниковъ, въ особенности болгарской, все время вызывающей восхищеніе всѣхъ корреспондентовъ; смертельно убивающей противника не только матеріально, но и нравственно, какъ это мы видимъ изъ приведеннаго въ началѣ этой статьи объясненія турецкаго полковника.

Я положительно боюсь дѣлать ясный выводъ, единственный изъ того, что здѣсь написано, что взято изъ жизни, что основано на безпристрастныхъ наблюденіяхъ надъ событіями, фактами; наблюденіяхъ лицъ ничѣмъ инымъ незаинтересованныхъ, кромѣ описанія того, что совершается передъ ихъ глазами; безъ всякихъ тенденцій, безъ всякаго тумана чувствъ, т. е. симпатій или антипатій къ родамъ войскъ.

Боюсь сдѣлать этотъ ясный и скромный выводъ, *что не только хорошая пѣхота, а и хорошая артиллерія и хорошие всѣ роды войскъ могутъ доставить успѣхъ арміямъ и народамъ. Что секретъ побѣды также не только въ хорошо подготовленной пѣхотѣ, а въ хорошо подготовленныхъ всѣхъ родахъ войскъ.*

И боюсь не даромъ: въ нашъ вѣкъ нервовъ, нервности, невращеніи, т. е. нарушенія душевнаго равновѣсія, благодаря перевѣсу чувства надъ логикой, послѣдняя находится въ такомъ загонѣ, что всѣ вопросы рѣшаются чувствомъ. Даже думаютъ и пишутъ однимъ чувствомъ безъ благотѣльнаго вліянія и регуляціи логики. Даже инья диссертациі суть изліянія чувствъ и ссылки на чувства. Чувство развивается въ школахъ, институтахъ благородныхъ дѣвицъ и... въ академіяхъ. Академисты, хоть и далеко не всѣ, критикуютъ все, но каждый на основаніи своего мягкаго, субъективнаго чувства—симпатіи или антипатіи къ данному предмету, вопросу. Но преимущественно же они—*восторгаются, преклоняются, сочувствуютъ или ругаютъ...*

Нынѣ же мода на чувства къ пѣхотѣ: то жалости, то прекло-

ненія, то восхищенія.... Но, повторяю, научное опредѣленіе неврастеніи, нервности: нарушеніе душевнаго равновѣсія въ томъ отношеніи, что чувство не только не сдерживается, не регулируется логикой (при равновѣсіи), а напротивъ беретъ верхъ надъ ней, глушить её.

И чувство заглушило логику даже у весьма умныхъ и талантливыхъ людей: вмѣсто того, чтобы *разсуждать* о видимыхъ явленіяхъ, силахъ, соотношеніяхъ, они стали «олицетворять», приписывать абсурдныя функціи (напримѣръ: планы, цѣли пѣхоты—гдѣ логика?), восхищаться, преклоняться, а, встрѣтаясь съ логическими разсужденіями, стали, подобно Никитѣ Пустосвяту, фанатически ругаться и лѣзть въ драку вмѣсто отвѣта на вопросы.

И дѣйствительно, только неврастеніей, не позволяющей логически мыслить, и можно объяснить чудовищное утвержденіе, будто «*только* въ хорошо обученной пѣхотѣ секретъ побѣдъ», что важно «*только* обладать хорошей пѣхотой...» и т. п.

Но Богъ съ ними, съ этими маленькими фанатиками, Никитами Пустосвятами. Они не принесутъ особаго вреда дѣлу, такъ какъ дѣйствуютъ только на неврастенниковъ. Горе въ томъ, что такіе всѣмъ извѣстные авторитеты военнаго дѣла, какъ А. Н. Апухтинъ, разъясняющій намъ не только всю военную науку, но много разныхъ книжекъ, началъ называть «сочувствіе» — «единомысліемъ»; началъ говорить объ «истинномъ удовольствіи» (чувство) по поводу книги Модюи («удовольствіе» и «захватывающій интересъ») главнымъ образомъ изъ-за слѣдующихъ строчекъ:

„Только народы, обладающіе хорошей пѣхотой, могутъ имѣть продолжительный успѣхъ въ исторіи; только пѣхота можетъ доставить имъ этотъ успѣхъ и возможность удержать за собой“.

Чѣмъ объяснить «захватывающій интересъ» и «священный восторгъ» (не черезъ чуръ ли?) г. Апухтина относительно «талантливаго единомышленника» (правильнѣе — «единочувствующаго»)?

Мнѣ лично думается, что эта цитата изъ Модюи, если не сдерживать чувствъ логикой, должна вызвать возмущеніе. Логика же объяснить эту цитату повышенною чувствительностью, ослѣпившею окончательно «талантливаго» Модюи.

Тяжкій, великій грѣхъ передъ арміей, развитіемъ военнаго дѣла и своимъ народомъ, беретъ на свою душу тотъ, кто такъ утверждаетъ. И только тотъ, кто не отдаетъ себѣ отчета—что значитъ такое утвержденіе, можетъ восхищаться имъ, повторять и даже проповѣдывать.

Вѣдь чуть-чуть логики — и сейчасъ ясно станетъ, что — «*только* хорошая пѣхота...» значить хорошая артилерія и хорошіе другіе роды войскъ, какъ будто, этого значенія не имѣютъ.... Также выраженіе: секретъ побѣдъ «*только* въ хорошо обученной пѣхотѣ» логически даетъ одинъ выводъ: «другіе роды войскъ, хорошо обученные или плохо обученные, безразлично, какъ будто, не заключаютъ въ себѣ секрета побѣдъ».

Стоить чуть-чуть начать обрабатывать свои впечатлѣнія умственно, какъ то и полагается, а не чувственно, и — глаза нашего ума откроются и явится *сознаніе* того, что никакая пѣхота, не исключая черногорцевъ или буровъ, не въ состояніи ничего сдѣлать безъ артилеріи противъ непріятельской артилеріи, если только послѣдняя «хорошо обучена».

Мы видѣли изъ примѣровъ Бородина, въ Русско-японской войнѣ и теперъ видимъ въ Балканской, что хорошая артилерія можетъ любой пѣхотѣ запретить переходить назначенный артилеріей предѣлъ, не пропустить ее за завѣсу, и объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ тѣ (генераль Рейхенау и др.), кто обрабатываетъ получаемыя впечатлѣнія отъ наблюденій умственно, а не чувствомъ.

Что дѣйствительно «рыцари» одного какого-нибудь рода войскъ замѣнили логику чувствомъ, мы видимъ изъ ихъ проповѣди о томъ, что будто въ современныхъ войнахъ возможно обходиться однимъ какимъ-нибудь родомъ войскъ и будто необходимо сдѣлать такъ, чтобы одинъ родъ войскъ былъ главнымъ (зачѣмъ это нужно для дѣла — рыцари *не могутъ* объяснить; они хлопочутъ, оказывается, ради заслуги, изъ жалости къ будто униженнымъ, вообще ради чувствъ).

Это рыцарское опозитизированіе одного рода войскъ, въ видѣ «царицы», хотя, повторяю, очень красиво, но тѣмъ опаснѣе для дѣла, такъ какъ тѣмъ легче позволяетъ не замѣчать прямо таки чудовищныхъ несообразностей.

Представьте себѣ, что сказалъ бы человекъ духовно здоровый, какъ говорятъ уравновѣшенный, не неврастеникъ, услышавъ всюду у насъ, даже въ офицерскихъ школахъ и чуть ли не въ академіяхъ, какую то новую негласную тактику, по которой не такъ, какъ въ гласной, изслѣдуютъ свойства родовъ войскъ и способы для командировъ наилучшаго и наумѣстнѣйшаго использованія этихъ свойствъ, — а проповѣдуется прежде всего: «такой то родъ войскъ есть главный; да будетъ онъ вамъ кумиромъ, поклоняйтесь ему, не смѣйте имѣть задачъ общевойсковыхъ, напр. разбить врага,

уничтожить, его, отбить наступленіе и пр., и пр. Для васъ этихъ задачъ нѣтъ и не можетъ быть; для васъ должны быть задачи «царицы» — главнаго рода войскъ, поэтому не просто разите врага, кто чѣмъ можетъ, а только «вспомогайте» «царицѣ».

И не одинъ разъ мнѣ пришлось слышать, что остальные (т. е. кромѣ главнаго) роды войскъ *«не могутъ, не должны имѣть самостоятельныхъ задачъ, а должны спрашивать, справляться о задачахъ главнаго рода войскъ. Однимъ словомъ, этимъ остальнымъ родамъ войскъ запрещается у насъ просто разбивать врага, просто бить его, а требуется исполнять, впрямую, какіе то особые планы, задачи, цѣли главнаго рода войскъ, стать ему въ подчиненіе, въ полное распоряженіе.»*

И хотя всѣ сознають, что этотъ главный родъ войскъ не сумѣетъ воспользоваться всѣми преимуществами другихъ родовъ войскъ (такъ какъ это компетенція лишь общевойскового командира, а не одного рода войскъ, такъ какъ послѣдній всегда специализируется), но это считаютъ не важнымъ...

Однако важно ли это или не важно, предоставляю судить по слѣдующему примѣру, далеко не единственному, а, напротивъ, повторяющемуся на каждомъ шагѣ.

На двухстороннемъ зимнемъ маневрѣ въ горной мѣстности разыгрывался встрѣчный бой. Мѣстность была проходима только по широкой долинкѣ; съ одной изъ сторонъ, напр. съ востока, отрядъ долженъ былъ выйти изъ ущелій гряды горъ и сопокъ, поросшихъ лѣсомъ, и пойти по долинкѣ въ обходъ.

Другой (напр. западный) отрядъ долженъ былъ появиться съ перевала, поросшаго рѣдкимъ лѣсомъ (другого пути не было). Артилерійскіе развѣдчики восточнаго отряда на скатѣ, у вершины одной изъ горъ, нашли мѣсто, съ котораго не только была видна вся долина дороги, но не могъ бы укрыться ни одинъ пѣхотинецъ на разстояніи до 5 верстъ, даже между деревьями; дѣйствительно, они указали на пѣшихъ и конныхъ непріятельскихъ развѣдчиковъ, рекогносцирующихъ начальниковъ и пр.. Артилерійскій начальникъ рѣшилъ поставить туда орудія, что и было исполнено, хотя и съ невѣроятными трудностями; зато эти орудія стали такъ, что ихъ никто, несмотря на ихъ частую стрѣльбу, не могъ увидѣть; сами же орудія имѣли идеальный обстрѣлъ, не имѣя даже аршина мертваго пространства во всѣ стороны, кромѣ трудно доступныхъ и недоступныхъ горъ на флангахъ. Собственно позиція была только маскированная, но идеально маскированная лѣсомъ и массой со-

сѣднихъ горъ, такъ что противникъ никакъ не могъ опредѣлить— съ какой же горы и откуда стрѣляютъ и до конца боя не обстрѣливалъ батареи; даже артилерія противника не могла этого опредѣлить, несмотря на частый огонь своей непріятельницы.

Артилерія (восточнаго отряда) доносила начальнику отряда, что она на разстояніи 4—5 верстъ точно видитъ cadaго человека, открыла огонь, вызвала этимъ перестроеніе въ боевой порядокъ непріятеля и продолжаетъ обстрѣливать эту благодарную на рѣдкость цѣль, когда не можетъ укрыться малѣйшая точка... Но оказывается простой разстрѣлъ врага, простое его истребленіе были не въ цѣляхъ и задачахъ пѣхоты, которая хотѣла *обойти*, а потому потребовала, чтобы артилерія пошла съ ней, хотя обходъ кончался у той же цѣли, по которой уже была артилерія, да еще двухъ-яруснымъ огнемъ (внизу еще нашли на скатѣ великолѣпную позицію).

Начальникъ артилеріи отряда, отлично сознавая, что только здѣсь онъ можетъ уничтожить, при достаточномъ числѣ патроновъ, весь непріятельскій отрядъ, послалъ, чтобы избѣжать обвиненія въ неисполненіи приказанія, только два орудія, оставивъ на мѣстѣ всѣ остальные и еще разъ объяснивъ въ своемъ донесеніи преимущества своего расположенія...

На разборѣ не могли не признать, что всѣ дѣйствія артилеріи восточнаго отряда прямо таки идеальны; мало того, даже красивы, эффектны (дань чувству), но *«всетаки»*, заключилъ свой разборъ лекцію одинъ симпатичный и умный ораторъ, *артилерія самостоятельныхъ задачъ не можетъ и не должна имѣть...* Здѣсь же начальникъ артилеріи самостоятельно нашелъ позицію, самостоятельно сталъ бить непріятеля»...

Значить—хоть и очевидно, что артилерія имѣла возможность разстрѣлять, уничтожить врага, но такъ какъ это не согласуется съ модной доктриной—исполнять только задачи пѣхоты, *то и не имѣла права имѣть свою задачу—бить врага.*

Хоть и блестяще, значить, сдѣлалъ дѣло, да не угодилъ этикету преклоненія передъ пѣхотой.

Нѣкоторые, не раздѣляя пользы доктрины: «пѣхота—царица полей, а потому цѣль и задача всѣхъ *не бить врага просто, какъ удобнѣе, а только помогать пѣхотѣ въ ея планахъ, задачахъ и цѣляхъ»*, оправдываютъ эту доктрину, какъ средство для большей солидарности, единенія всѣхъ родовъ войскъ, устраненія разрозненности. Но вѣдь логичнѣе, желая этого, этому же и учить, точно

сѣднихъ горъ, такъ что противникъ никакъ не могъ опредѣлить— съ какой же горы и откуда стрѣляютъ и до конца боя не обстрѣливалъ батареи; даже артилерія противника не могла этого опредѣлить, несмотря на частый огонь своей непріятельницы.

Артилерія (восточнаго отряда) доносила начальнику отряда, что она на разстояніи 4—5 верстъ точно видитъ каждаго чело- вѣка, открыла огонь, вызвала этимъ перестроеніе въ боевой порядкѣ непріятеля и продолжаетъ обстрѣливать эту благодарную на рѣдкость цѣль, когда не можетъ укрыться малѣйшая точка... Но оказывается простой разстрѣлъ врага, простое его истребленіе были не въ цѣляхъ и задачахъ пѣхоты, которая хотѣла *обходить*, а потому потребовала, чтобы артилерія пошла съ ней, хотя обходъ кончался у той же цѣли, по которой уже била артилерія, да еще двухъ-яруснымъ огнемъ (внизу еще нашли на скатѣ великолѣпную позицію).

Начальникъ артилеріи отряда, отлично сознавая, что только здѣсь онъ можетъ уничтожить, при достаточномъ числѣ патроновъ, весь непріятельскій отрядъ, послалъ, чтобы избѣжать обвиненія въ неисполненіи приказанія, только два орудія, оставивъ на мѣстѣ всѣ остальные и еще разъ объяснивъ въ своемъ донесеніи преимущества своего расположенія...

На разборѣ не могли не признать, что всѣ дѣйствія артилеріи восточнаго отряда прямо таки идеальны; мало того, даже красивы, эффектны (дань чувству), но *«всетаки»*, заключилъ свой разборъ лекцію одинъ симпатичный и умный ораторъ, *артилерія самостоятельныхъ задачъ не можетъ и не должна имѣть...* Здѣсь же начальникъ артилеріи самостоятельно нашелъ позицію, самостоятельно сталъ бить непріятеля»...

Значить—хоть и очевидно, что артилерія имѣла возможность разстрѣлять, уничтожить врага, но такъ какъ это не согласуется съ модной доктриной—исполнять только задачи пѣхоты, *то и не имѣла права имѣть свою задачу*—б и т ь в р а г а .

Хоть и блестяще, значить, сдѣлалъ дѣло, да не угодилъ этикету преклоненія передъ пѣхотой.

Нѣкоторые, не раздѣляя пользы доктрины: «пѣхота—царица полей, а потому цѣль и задача всѣхъ *не бить врага просто, какъ удобнѣе, а только помогать пѣхотѣ въ ея планахъ, задачахъ и цѣляхъ»*, оправдываютъ эту доктрину, какъ средство для большей солидарности, единенія всѣхъ родовъ войскъ, устраненія разрозненности. Но вѣдь логичнѣе, желая этого, этому же и учить, точно

и ясно опредѣляя соотвѣтствующими словами, что всѣ роды войскъ, какъ единая армія, какъ каждый русскій воинъ, должны помогать другъ другу, а не говорить, что всѣ роды войскъ должны исполнять планы, цѣли, задачи пѣхоты ³⁾).

Что просто, то и гениально и прямо ведетъ къ успѣху.

Бить врага—самостоятельная или несамостоятельная, но простая, ясно выраженная задача, цѣль, планъ, назначеніе всей арміи, безъ раздѣленія на главныхъ, вспомогательныхъ и пр. Бить врага—всѣмъ понятно, а потому прочь навожденіе, прочь туманъ о какихъ то особыхъ задачахъ, цѣляхъ, планахъ *тѣхоты!*

Тутъ уже не пѣхота, артилерія, кавалерія: тутъ воины русской единой арміи съ однимъ духомъ, но разнo вооруженные и снаряженные.

Болгары, сербы, черногорцы, греки имѣютъ одну цѣль, задачу, планъ: *бить турокъ...* И они бьютъ.

Логика, логика! Почто ты такъ забыла о насъ?.. Пожалѣй нашу армію, наше воинское дѣло; удержи поэтовъ, удержи ихъ чувства, ослѣпившія ихъ глаза до того, что они видятъ уже не то, что находится передъ ихъ глазами... Каждый нашъ шагъ нынѣ основанъ на поэзіи, чувствѣ, а не на логикѣ, очевидности.

Что можетъ быть нелогичнѣе насильнаго надѣванія поэтами пѣхотныхъ очковъ на глаза всѣхъ другихъ родовъ войскъ? Особенно это выясняется при наблюденіи за дѣйствіями союзниковъ на Балканскомъ полуостровѣ. *Они учатся только различать врага и бить его.* Бить по своему, какъ и чѣмъ кто можетъ сильнѣе: кто шрапнелью, кто ножемъ, кто лошадыю, кто ближе, кто дальше, кто здѣсь, кто тамъ. *Поэтому они навѣваютъ бить самой сильной своей стороной.*

А у насъ—«было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно и больно»....

Начальникъ артилеріи не смѣетъ, хотя бы имѣлъ полную возможность, занять такую позицію, которая *побѣдила бы* непріятеля (напримѣръ, на его флангѣ), «ибо артилерія *самостоятельныхъ* задачъ не имѣетъ».

Но если разсуждать подобнымъ образомъ, то и пѣхота само-

³⁾ Надо помнить и понимать, что единство, согласованность, солидарность—стоятъ не въ томъ, чтобы быть все время рядомъ, вмѣстѣ, и не въ томъ, чтобы выполнять цѣли кого нибудь одного, быть въ подчиненіи задачамъ одного, а въ томъ, чтобы достигать одной общей цѣли, поддерживая другъ друга въ этомъ, хотя бы въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ (съ моря, съ аэроплана, съ крепости, съ батареи и пр.).

стоятельныхъ задачъ не имѣеть (такъ говорить логика), и она исполняетъ задачу не свою, а армейскую, простую: *бить врага...* Наши поэты самое слово «самостоятельно» по способу выполненія понимаютъ какъ-то... не логично, а именно въ смыслѣ «разрозненно» по отношенію къ самой цѣли дѣйствій. Но вѣдь это огромная разница! Наши поэты въ этомъ отношеніи хотятъ быть умнѣе Суворова, величайшаго искусника и учителя военнаго дѣла, который однако сказалъ: «*Артилерія скачетъ, какъ сама хочетъ*». Нѣкоторые поэты, даже изъ артилеристовъ, находятъ, что афоризмъ этотъ устарѣлъ. Но вѣдь поэты попросту... не вникаютъ въ глубокий смыслъ этого афоризма. Это не обозначаетъ разрозненности, такъ какъ цѣль-то общая—уничтоженіе врага, а обозначаетъ именно предоставленіе самостоятельности *не въ цѣли и задачахъ дѣйствій, а въ способахъ достиженія этой общей цѣли, задачи*; чтобы она дѣлала какъ можно, *какъ знаетъ*, лучше. Чтобы именно не имѣло мѣста то, что принято у насъ теперь: полная парализація артилеріи узкими специальными требованіями пѣхоты, какъ, напримѣръ, для ободренія небольшихъ ея частей огнемъ, хоть и въ небо и т. п.

Два генія—Суворова и Наполеона—понимали противоестественность подчиненія всѣхъ дѣйствій артилеріи «задачамъ» пѣхоты и потому только и посвящали начальниковъ артилеріи въ общій планъ и цѣль, но никогда не связывали ее раіономъ, участкомъ, временемъ начала стрѣльбы.

И если прежде, когда и артилерія и пѣхота были на виду, были очень близко другъ отъ друга, когда артилерія безъ пѣхоты буквально не могла шагу ступить, и все-таки Суворовъ словами—«артилерія скачетъ, какъ сама хочетъ», давалъ ей самостоятельность отъ необходимости «проникать» въ задачи пѣхоты, для лучшаго примѣненія своей страшной силы, то тѣмъ болѣе это нужно теперь, когда такъ страшно увеличилась разница силы огня артилеріи и пѣхоты, когда артилерія можетъ дѣйствовать самостоятельно, когда она стала въ меньшей зависимости отъ рельефа мѣстности и когда въ пѣхотѣ есть своя артилерія для близкихъ дистанцій—пулеметы.

Именно теперь, говорить логика, имѣеть смыслъ—«артилерія скачетъ, какъ сама хочетъ». И пусть она такъ дѣлаеть, пусть такъ и учится. «Сама знаетъ», когда открыть огонь, гдѣ стать, куда, когда и какъ переѣхать, когда сопровождать пѣхоту, когда прикрыть отступленіе... Она будетъ только знать, что она—«часть русской арміи», какъ и тѣ братья, кто тамъ съ винтовками или верхомъ и которые тоже стремятся *бить врага, преодолеть* его...

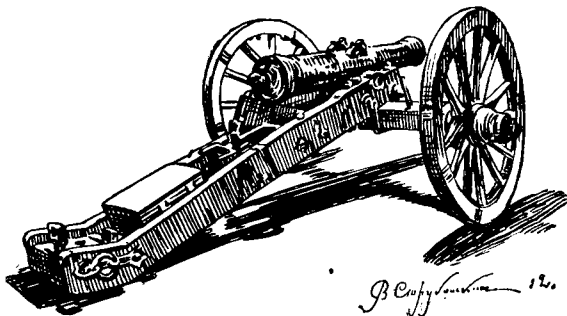
Именно теперь слѣдовало бы оставить начальниковъ артилеріи, наиболѣе компетентныхъ въ использованіи наиболѣе сильныхъ сторонъ артилеріи ⁴⁾).

Именно теперь объединяющимъ началомъ въ дѣйствіяхъ родовъ войскъ долженъ быть не пѣхотный, а армейскій, отъ слова армія, т. е. общевойсковой начальникъ. Именно теперь необходимо почаще, въ цѣляхъ того же объединенія, вспоминать, что «мы всѣ русскіе», а не какіе то космополитическіе пѣхотинцы, артилеристы. И въ этомъ наши поэты не понимаютъ Суворова, считавшаго необходимымъ часто вспоминать: «мы русскіе», всѣ дѣти одного Царя, одной родины, одной арміи... Въ послѣднее время мы забыли, что всѣ «мы русскіе», всѣ мы одной арміи, и объ этомъ молчимъ... Больше все о полкахъ, исторіяхъ ихъ, о родахъ войскъ, происхожденіи своихъ удѣльныхъ княжествъ. И въ жизни такъ: все «черноморцы», «каспійцы», «уральцы», «сибиряки», «туркестанцы», «кавказцы», «бѣломорцы»... но никогда, никогда—«всѣ мы русскіе».

Не доказываетъ ли это одно, что наши поэты болѣе «чувствительны» къ моднымъ вѣяніямъ, ученіямъ, чѣмъ къ простымъ истинамъ гениальнаго Суворова?

Больше, больше простоты, здраваго смысла, логики и поменьше чувствительности, нервовъ, неврастеніи въ военномъ дѣлѣ. И... поменьше такой поэзіи, которая поддерживаетъ пѣхоту, а армію разстраиваетъ... И больше вниманія: *всѣ роды войскъ, вся армія, а не только одна пѣхота, доставила успѣхъ союзникамъ на Балканахъ противъ турокъ.*

А. Дмитревскій.

⁴⁾ Вполнѣ логично желаніе, чтобы обученіе было общее—всѣхъ родовъ войскъ. Это необходимо для ознакомленія съ спланными сторонами другъ друга, какъ воспользоваться, примѣнить, но это не резонъ, чтобы и въ бою держаться компактно. Но еще болѣе «не резонъ» — въ мирное время всѣмъ учиться врознь и жить врознь, а въ военное—компактно, какъ бы колонной.